АЛЕКСАНДР ГИНГЕР

ВЕСТЬ

СТИХИ

РИФМА

ВЕСТЬ

ТОГО ЖЕ АВТОРА

СВОРА ВЕРНЫХ	Париж 1922
ПРЕДАННОСТЬ	Париж 1925
ЖАЛОБА И ТОРЖЕСТВО	Париж 1939

АЛЕКСАНДР ГИНГЕР

ВЕСТЬ

ЧЕТВЕРТАЯ
КНИГА СТИХОВ

РИФМА ПАРИЖ
1957

1939 — 1955

Шар

На что нам чудеса! Когда б ослепли мы,
когда бы слышать перестали —
мы к бурям бы рвались из медленной тюрьмы
и о пожарах бы мечтали.
Но несказанный шар сейчас осветит нас,
и знак подаст; и звуки встанут.
И будет слышать слух, и будет видеть глаз,
а ночь и глушь в могилу канут.
Каких чудес желать? Ведь их не может быть:
они уже у нас и с нами.
О том чтоб не заснуть. О том чтоб не забыть.
О том чтоб не забыться снами.

1949

Весть

Ознобов и бессонниц тайных
нас утомляет череда
сцепленьем слов необычайных
не оставляющих следа.

Средь ночи добровольно пленной
при поощреньи щедрой тьмы
мы пишем письма всей вселенной,
живым и мертвым пишем мы.

Мы пишем как жених невесте,
нам перебоев не унять,
чужим и дальним шлем мы вести
о том чего нельзя понять.

Мы прокричим, но не услышат,
не вспыхнут и не возгорят,
ответных писем не напишут
и с нами не заговорят.

Тогда о чем же ты хлопочешь,
тонический отживший звон,
зачем поешь, чего ты хочешь,
куда из сердца рвешься вон?

1948

Газела

Всем привет! мудрец не знает ничего,
опыт нам не прибавляет ничего.
Время льется как холодная вода —
не дает, не отнимает ничего.
Солнце всходит и заходит, день исчез;
человек не понимает ничего.
Месяц всходит и заходит, день настал;
человек не вспоминает ничего.
Лжет язык любви, хвалу выводит льстец;
слово лжи не объясняет ничего.
В этих бейтах злую правду видишь ты;
ах! и правда не меняет ничего.
Слушай, слушатель! назойливый редиф
ключ всего тебе являет: ничего.

1953

Бейты: двустишия. ***Редиф***: повтор.

Факел

Эстафетный бег являет взорам
зрелище, которому найти
невозможно равного; с которым,
муза, не тебе ли по пути?

Муза, ты бродячему сюжету
передачи факела верна.
Если ты о жизни скажешь свету —
об огне ты говорить должна.

Наши нам назначены стоянки,
точные намечены места.
Под пятой — зеленые полянки,
над челом — святая пустота.

На местах законно неизменных,
на песках дорожки круговой,
бегуны команд четверочленных
думают о славе групповой.

И когда по звуку пистолета
выпущена первая стрела —
в кулаке зажата эстафета,
плотный пламень, дружные дела.

Впереди же, руку приготовя,
поджидает вполуоборот
переемщик, полный свежей крови,
взгляд назад, а тело наперед.

У того, который в беге ныне,
гром в висках; в мутящемся мозгу
мысль одна, оазисом в пустыне:
я дойду, сойти я не могу.

Он бежит, совсем уже кончаясь,
припадая к матери сырой;
и молчит, почти совсем отчаясь,
зрителей сочувствующий рой.

Нет: другой, сосредоточь вниманье,
твердый светоч ловко получи,
таинство сверши перениманья...
Замолчи, о муза, замолчи!

Из груди до горла — сердце наше
радости решительным броском,
слез неупиваемая чаша —
из груди до горла, быстрый ком.

На траву он валится, распятьем
руки он раскидывает; в гроб
он стремится к теплому разъятью
земляных и гнилостных утроб.

Все мы гости праздника земного,
в землю мы воротимся домой.
Торжеству квадратная основа —
я, мой сын, мой внук и правнук мой.

Я хочу тебя увидеть, правнук,
не хочу я скоро умереть,
мне бы жить примерно, жить исправно,
чтобы очень медленно стареть.

Век хочу исполнить Тицианов,
девяносто девять здешних лет;
если ж надо мне покинуть рано
этот глупый но приятный свет —

не прошу я горя после жизни,
умоляю: траур упраздни;
легким смехом на обильной тризне,
шумом театральным помяни.

И когда я буду за барьером,
честь воздайте мне ядром, шестом,
и копьем, и диском, и барьером
даже в поколении шестом.

Я тебя люблю, благое лето;
хорошо, что не умрешь со мной.
Я сойду, отдавши эстафету
новым слугам прелести земной.

1939

Имя

Никогда я не буду героем
ни в гражданской войне ни в другой,
но зато малодушья не скрою
перед Богом и перед собой.

О бездонная горькая честность —
одинокая смелость моя!
Соблазнительная неуместность
нарциссического бытия…

Я люблю на меня не похожих:
пехотинца, месящего грязь,
и лубочного всадника тоже,
под шрапнелью держащего связь.

Но геройству не счесть категорий:
сколько крови, и гноя, и слез,
горя женщин и детского горя,
седины... этот пепел волос!

Не солдат кто других убивает,
но солдат кто другими убит.
Только жертвенность путь очищает
и душе о душе говорит.

Оттого-то широкораменный
нам не люб низколобый атлет,
лишний груз для души современной,
для труда наступающих лет.

Пусть я буду пустой чужестранец,
но могу я тебя восхвалить,
слабый: туберкулезный румянец,
сильный: воли вощеная нить.

Воспаленный чахоточным жаром
узкогрудый воздушный герой!
Пред тобою склонились недаром
поколенья, и бредят тобой.

В небеси совершенныя славы
(это — официальный Приказ)
ты в легенду вступаешь по праву,
кинув имя. Осталось для нас.

Вдоль сухого латинского сада
есть название улицы, есть.
В этом гордость столичного града
и о духе бессмертная весть.

Я хотел бы на улице этой
проживать, и мечтать о тебе,
в зимней стуже и в пламени лета
вспоминать о воздушной судьбе,

высекая мечтой лапидарной
в камне сердца — из выспренних сфер
три луча для земли благодарной:
Гинемер. Гинемер. Гинемер.

1940

Угол

Незаслуженное чудо
ожидает за углом
тех которым очень худо.
Обогни стоячий дом.

Усмири тревожный трепет
в шумной и большой груди.
Удержи сердечный лепет.
Темный угол обойди.

Воцари в спокойном сердце
золотую пустоту,
победи в пустынном сердце
кровяную суету.

Темный угол, угол дома
обойди и обогни.
Грянули раскаты грома,
брызнули его огни.

Тех которым было худо
белым счастьем обожгло.
Неожиданное чудо
не случиться не могло.

1955

Утро

Теките, сутки. Просыпайся, спящий,
ценою тишины волнение купи.
В котел денной, обидами кипящий,
доверчиво вступи.

Да, этот свет и этот шум прекрасны,
затем что видишь ты, затем что слышишь ты,
покинув мир небесный но неясный
покоя и мечты.

О счастие берущих и дающих,
тех кто опять не слеп, тех кто опять не глух,
неверующих или верующих;
о зрение и слух!

Седмижды на неделе воскрешенный,
благодари, благодари, благодари
за новый шум, средь ночи предрешенный,
за новый свет зари.

И утренних наплыв недоумений
сознательным умом в груди останови.
Вставайте, дни — высокие ступени
уверенной любви.

1950

Доверие

Как жалок лепет слов твоих напрасных
в беспомощных молитвенных стихах,
как жарок ворох роз приснопрекрасных
в твоих руках, в чахоточных руках!

Сюда, Тереза, умершая рано,
мне смертному на помощь поспеши;
явись благоприятною охраной
в ночи, в ночи, во мгле, в глуши, в тиши.

Под сводами томления ночного
все прошлое и пусто и темно,
но иногда блаженной вестью новой
воображение потрясено.

И в каждом вздохе, сердца в каждом бьеньи:
сюда, Тереза! ворох роз, сюда!..
Проходят дни, растет уединенье,
встает гора греха, труда, стыда —

но ты, чахоточная королева,
пребудь с рабом, к слепому низлети,
оборони от грусти и от гнева
и руку горя властно отврати.

1944

Светит месяц

Дочь моя живет в Лизгоре,
с мужем ей не скучно там.
А навязчивое горе
ходит по другим местам.

Бестелесно но костляво
и косой ополчено,
всюду близко, вечно право —
прочно царствует оно.

Истощились наши силы.
страха нам не победить.
Мертвые легли в могилы,
приказав недолго жить.

Братья, сестры! Перед этим
жалким ужасом земным
станем мы подобно детям,
руки мы соединим

и не плача и не споря
будем верить чудесам.
Тварк ушел давно уж в море,
жив иль нет — узнаешь сам.

1947

Сестра

Не говори как все: одной не миновать,
двум не бывать. Не две — неисчислимо много.
Отряд живых смертей с тобой шагает в ногу.
Забудь. Не вызывай. Страшись именовать.

Пока твоя болезнь тебя не обняла,
как сладострастница, которая потушит
твой пыл, умрет сама, но и тебя задушит —
справляй в молчании привычные дела.

Не думай об ее коварных западнях.
Твоим житейским дням довлеет жизни злоба.
Не зная друга друг, перемогайтесь оба.
Бок о бок с ней живи в неблагодарных днях.

Ты знаешь, мы в бреду, и все — туман и страх.
Но празднуй всем богам за то что ты не болен,
что ты еще здоров, еще свободоволен
и к небесам взлетать и опускаться в прах.

Она уже с тобой, хоть не пришла пора
тебе ее познать и с ней соединиться —
намеченная тень, враждебная близница:
болезнь предвзятая, безмолвная сестра!

1948

Зрение

Среди полета и паденья
уравновешивая путь,
неукоснительного бденья
прямым хранителем пребудь...

На склоне зрелости срединной
годов утраченных не жаль.
Назначен глазу опыт длинный:
слабее вблизь, сильнее вдаль.

Не так же ль в зрении сердечном
есть возрасты и времена?
Все переменно, все конечно,
и жизнь по-разному смутна.

Но постоянно умозрима
упокоительная ночь.
Случайное проходит мимо,
условное уходит прочь...

Дела отчаянья и розни
бесповоротно отмети;
ревнуй о том чтоб к смерти поздней
с бесстрашным сердцем подойти.

1948

Тибетская песня

Хвала вам, шесть концов: Восток, Юг, Запад, Север,
Зенит, Надир;
пусть будет мир для всех ; для ангела, для зверя
пусть будет мир.

Я одолел подъем дороги нетенистой —
вот верх горы;
привет вам, шесть концов, с вершины каменистой
земной коры.

Как все, кто до меня стоял на перевале,
я вниз гляжу;
пред спуском, — как и те, что здесь перебывали, —
я положу

на кучу камень мой. Хвала живущим, жившим
вблизи, вдали —
на грани облаков свой камень приложившим
к трудам земли.

1953

СОДЕРЖАНИЕ

НАСТОЯЩАЯ КНИГА
ОКОНЧЕНА ПЕЧАТАНИЕМ
17 ОКТЯБРЯ 1956 ГОДА
IMPRIMERIE BERESNIAK
6 RUE DE LA PIERRE-LEVEE
PARIS

РИФМА — ПАРИЖ

Вадим Андреев. Второе дыхание
Вера Булич. Ветви
Тамара Величковская. Белый посох
Анатолий Величковский. Лицом к лицу
Александр Гингер. Весть
Владимир Злобин. После ее смерти
Георгий Иванов. Портрет без сходства
Юрий Иваск. Царская осень
В. Корвин-Пиотровский. Воздушный змей
А. Ладинский. Роза и чума
Сергей Маковский. Круг и тень
Сергей Маковский. На пути земном
Ю. Мадельштам. Годы
Владимир Набоков. Стихотворения
Ирина Одоевцева. Контрапункт
Георгий Раевский. Третья книга
Ю. Терапиано. Странствие земное
Юрий Трубецкой. Двойник
Лидия Червинская. Двенадцать месяцев
Игорь Чиннов. Монолог
А. Шиманская. Капля в море
А. Шиманская. Новолунье
Анатолий Штейгер. Дважды два четыре
Е. Щербаков. Свет и камень
Ирина Яссен. Лазурное око
Ирина Яссен. Память сердца